

Чжун Жуйчжи принёс свои рукописные стихи. Некоторые на китайском, некоторые на английском. Некоторые он помнил, написал по памяти. Некоторые нашёл в шкафу Цан Ицзина.

В прошлый раз, когда они разговаривали с Ван Дахуа, Цан Ицзин сказал, что знает английский. Ван Дахуа стало любопытно. Он взял книгу, собирался почитать старушке, чтобы скоротать время.

В ярко освещённой комнате маленькая старушка полулежала на чистой больничной кровати. На тумбочке стояла стеклянная банка с бумажными звёздочками. Маленькая Жо Мэй лежала у неё на коленях.

Рядом с кроватью сидели два юноши, читали ей стихи.

Она даже китайских иероглифов не знала, как могла знать английские. Чжун Жуйчжи объяснил ей, каждое слово объяснил, даже возможные производные настроения объяснил очень подробно.

Даже более внимательно, чем учил Цан Ицзина.

Все стихи он выбрал с душой, описывающие жизненную силу.

Говорил о траве, о бамбуке, о цветах, цветущих зимой, о соснах на скалах.

Ей было приятно слушать. Чжун Жуйчжи прочитал один раз, потом Цан Ицзин тоже прочитал. Старший внук такой умный, как он смог запомнить после одного прочтения.

Она знала, что Чжун Жуйчжи и Цан Майфэн сдали для неё кровь. Старушка не очень умела выражать благодарность, но старалась быть как можно ближе.

Ближе к Новому году Ван Дахуа выписали из больницы в канун Нового года, вернулась в дом Лао Цана.

Братья Хуан пришли в дом Лао Цана забрать маму. Ван Дахуа тоже сказала, что пойдёт с ними. Сказала, что ей не подобает жить в доме дочери. Раз старший и младший брат пришли за ней, они точно будут хорошо за ней ухаживать.

Хуан Сюцзюань и Цан Ицзин оба не отпускали её.

Старший брат Хуан сказал:

— Видите, вот так. Это не наша вина, что мы не заботимся о маме, это вы не отпускаете.

Хуан Сюцзюань уже не хотела разбираться, что правильно, а что нет. Столько лет прошло, сломаешь кость — связки останутся. И хорошее, и плохое было, у всех были свои трудности.

Если они считают, что их совесть чиста, Хуан Сюцзюань могла только с досадой покачать головой.

Сейчас она просто хотела в пределах своих возможностей сделать жизни матери лучше. Она вдруг вспомнила, что в прошлом году, когда было землетрясение, сын настоял, чтобы ночью поехали за Чжун Жуйчжи. Он сказал:

— Я не могу оставить его одного в деревне Люцзя. Даже если будет ещё землетрясение, нужно забрать его домой. Если умрём, то умрём вместе, вся семья ляжет в одну могилу!

Она твёрдо сказала братьям Хуан, а также всем тем, кто в лютый мороз толпился в её дворе, чтобы посмотреть на её семейные разборки:

— Да, это я не отпускаю. Моя мама столько настрадалась с вами, я должна защищать её! Не из-за чего-то другого, просто потому что она меня родила! Я тоже женщина! У меня есть еда, мама будет есть со мной. Есть суп, мама будет пить со мной. Если будет голод, вся семья умрёт вместе! Ляжем в одну могилу!

Эти слова даже тронули Цан Чжэнцзя. Он не был против того, чтобы Ван Дахуа осталась. В деревне тоже были случаи, когда родственники уходили или умирали, мать жила с дочерью в доме мужа.

Просто он был старым вдовцом, неудобно было говорить, чтобы не было лишних сплетен.

Ван Дахуа слушала, слёзы не переставали течь:

— Дитя, не упрямясь. Пусть... мама вернётся. Мама... мама не может... не может жить у тебя.

Чжун Жуйчжи тоже взял старушку за руку:

— Бабушка, вы обещали Жо Мэй, что после выписки будете с ней играть. Жо Мэй складывала бумажные звёздочки пять дней, чтобы заполнить эту банку. Вы не можете нарушить обещание.

Жо Мэй сразу поняла, обняла бабушку и сладким голосом сказала:

— Бабушка, не уходи.

Хуан Сюцзюань сказала:

— Мама, стихи, которые Чжун Жуйчжи и Ицзин читали вам, зря читали? Трава, которая растёт снова под весенним ветром, может поднять камень. Бамбук, который вырастает в бамбуковую рощу, не соперничает с весной. Цветы, которые цветут в декабре, аромат разносится на десять ли. Семена сосны, которые ветер занёс на скалу, укоренились на скале, растут вверх. Вы всё

забыли?

Чжун Жуйчжи и Цан Ицзин не ожидали, что эти стихи, которые вдохновляли бабушку, Хуан Сюцзюань, которая молча слушала, запомнила так хорошо.

— Это... какое отношение имеет к тому, чтобы вернуться ко мне или остаться у тебя? — не поняла Ван Дахуа.

Хуан Сюцзюань всё ещё была внешне хрупкой. Когда она говорила это, слёзы не переставали течь. Но слёзы не были слабостью, виной, заслуживающей унижения.

Женские слёзы — это мягкий источник, это озеро всепримятия.

Они питают, принимают, легко поддаются влиянию, могут жертвовать собой. Но пока они хотят двигаться вперёд, они будут продолжать течь.

Слёзы не мешают их стойкости. Это украшение красоты, это очищение для себя.

Она сказала:

— Конечно имеет. Даже трава и цветы борются за жизнь. Если вы вернётесь, это будет несправедливо по отношению к крови, которую Чжун Жуйчжи и Майфэн сдали для вас!

В тот момент Ван Дахуа окончательно осознала. Она уже прошла через врата ада. Кровь в её теле, казалось, медленно закипала.

Это кровь Чжун Жуйчжи и Цан Майфэна, которая заставила её собственную кровь кипеть, кричать, чтобы она не смирялась.

— Я... я не вернусь! — она стиснула зубы. — У меня есть руки и ноги. Когда... когда я выздоровею, я сама построю маленький дом, буду жить сама по себе. Я... я разведусь с Хуан Фушунем!

Она была уже на закате жизни, никогда не жила для себя.

С этого дня она действительно возродилась.

В канун Нового года вся семья собралась за ужином.

Ночью Цан Ицзин вернул Чжун Жуйчжи его сберегательную книжку. Он не трогал деньги на ней.

— Держи их, — Чжун Жуйчжи сидел на кане, в футболке, обнял Цан Ицзина сзади, ноги тоже обхватили Цан Ицзина, как коала, обнимающая дерево. — Ты каждый день варишь мне яйца, ещё купил молочную смесь. Это всё стоит денег.

— Молочная смесь и яйца не стоят пятидесяти тысяч, — Цан Ицзин повернулся и поцеловал его.

— Сначала оставь у себя, положи в свой шкаф, — Чжун Жуйчжи собирался купить что-нибудь для бабушки. — Сколько потратили на этот раз? Я видел, ты вернул пятьсот деду.

— Не беспокойся, это не твоё дело.

— Я же сказал, что твои дела — это мои дела. Как это не моё дело? Если не моё дело, не трогай меня, — Чжун Жуйчжи отпустил его, отодвинулся.

Цан Ицзин подошёл, обнял его, положил на колени, прижался к его лицу:

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197245>